

ТРАНСФОРМАЦИЯ ХАЙДЕГГЕРОВСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПОЭЗИИ КАК «ЧИСТОГО ЯЗЫКА» В ФИЛОСОФИИ Х.-Г. ГАДАМЕРА

Талалаева Екатерина Юрьевна

ассистент кафедры философии и методологии науки

Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

г. Тамбов

kater-.ina@mail.ru

HEIDEGGERIAN IDEAS ABOUT POETRY AS “PURE LANGUAGE” FROM THE PERSPECTIVE OF H.-G. GADAMER’S PHILOSOPHY

Ekaterina Yu. Talalaeva

Assistant lecturer of Philosophy and Methodology of Science Department

Derzhavin Tambov State University

Tambov

АННОТАЦИЯ

В данной работе реконструируются основные положения преемственности и последующее преобразование представлений М. Хайдеггера о поэзии как «чистом языке» в философской герменевтике Х.-Г. Гадамера. Автор статьи выявляет два основных критерия, в соответствии с которыми Гадамер проводит различие между поэтическим языком и обыденной речью: *самоценность* и *герметичность* поэтического текста. Особое внимание в исследовании уделено обоснованию категории «чистая поэзия» (*poésie pure*) в философии немецкого мыслителя.

ABSTRACT

The paper reconstructs the main features of the continuity and transformation of Heidegger's views on the poetry as a “pure language” in the philosophical hermeneutics of H.-G. Gadamer. The author reveals two main criteria for the difference between poetic language and ordinary speech in Gadamer's philosophy: the *self-worth* and *hermeticism* of a poetic text. The article pays special attention to the analysis of the Gadamer's category “pure poetry” (*poésie pure*).

Ключевые слова: М. Хайдеггер; Х.-Г. Гадамер; поэзия; чистый язык; чистая поэзия; герметичность языка.

Key words: M. Heidegger; H.-G. Gadamer; poetry; pure language; poésie pure; hermeticism of the language.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научных проектов № 17-33-01099-ОГН «Онтологический анализ поэзии в герменевтической философии мыслителей XX в.» и № 18-311-00123 «Язык и мир в философии Л. Витгенштейна и М. Хайдеггера: философско-компаративный анализ»

Лингвистический поворот, ознаменовавший собой переломный момент в развитии всей современной философии, привел к постановке принципиально нового вопроса о сущности языка. Оригинальный подход к данной проблеме был изложен выдающимся немецким философом Мартином Хайдеггером, интеллектуальное наследие которого посвящено установлению смысла бытия при его неразрывной взаимосвязи с языком. Согласно философскому замыслу Хайдеггера, преимущественно изложенного в рукописях позднего этапа его творческой деятельности, повседневная речь не располагает средствами, способными отобразить окружающий человека мир во всей его полноте. Философ наметил идею, в соответствии с которой лишь поэтическому языку подвластно выразить не только обыденные факты, но и понятия из сферы сверхъестественного. Кроме того, поэзия наделена способностью наиболее верно передавать изначально заложенный в сказанное смысл в силу того, что она является языком в его чистой форме. Такая позиция была с воодушевлением воспринята учеником Хайдеггера – Хансом-Георгом Гадамером, и впоследствии преобразована в его собственную концепцию «чистой поэзии» как наиболее онтологически значимого языкового уровня. Историко-философская реконструкция становления концепции «чистой поэзии» в философии Гадамера позволила не только более углубленно проанализировать природу языка и

поэтического слова, но и установить контекст формирования представлений немецкого философа о сущности лирического стихотворения.

Жизненный путь и становление Х.-Г. Гадамера как выдающегося философа своего времени происходили в тесной взаимосвязи с философской деятельностью М. Хайдеггера. Из автобиографических сведений о Гадамере становится очевидным, что его знакомство с Хайдеггером в начале 1920-х годов стало судьбоносным событием, оставившим след не только в личной жизни философа, но и отразившимся на его философствовании. Отголоски этого влияния появляются как в опубликованных сочинениях Гадамера, так и в его лекциях, интервью и частных беседах. Комментируя свой фундаментальный труд *Истина и метод* (1960) [2], основатель философской герменевтики подчеркнул, что его основной замысел заключался в том, чтобы «осветить путь к позднему Хайдеггеру» [6, 46]. Таким образом, немецкий мыслитель значительную часть своего философствования посвятил переосмыслению интеллектуального наследия своего учителя. Гадамер писал: «Моя философская герменевтика стремится четко придерживаться линии вопрошания, проведенной в этом эссе [«Исток художественного творения» - прим. Е.Т.] и более поздних работах Хайдеггера, чтобы сделать их доступными по-новому» [6, 46-47]. Философ поставил перед собой цель представить в более доступном для широкого понимания свете философию Хайдеггера, и по сей день порождающую значительные трудности перед ее исследователями. Показательным примером, иллюстрирующим вклад Гадамера в изучение и своеобразную адаптацию наследия его учителя, стало посвящение Германом Хайдеггером (сыном М. Хайдеггера) 16-го тома *Собрания сочинений М. Хайдеггера (Heidegger Gesamtausgabe)* в 2000 г. Гадамеру с пометкой: «преданному ученику моего отца» [8, V]. Тем не менее, философские воззрения Гадамера по многим существенным позициям расходятся с мнением его знаменитого наставника. Во многом переосмыслив проблемы, занимающие размышления Хайдеггера на всем протяжении его философской деятельности, Гадамер сконструировал собственный подход к их решению. Более того, Гадамер впоследствии

утверждал, что его отношения с Хайдеггером зачастую состояли из «проблем и провокаций» и в целом носили сложный характер [10, 247]. Справедливо заметить, что к формированию ключевых положений своей теории языка Гадамер пришел уже независимым путем. В свидетельство этому можно привести факт практически одновременного завершения философами написания своих трудов о языке. Так, в 1959 году Хайдеггер публикует свое сочинение *Путь к языку*, наиболее полно отразившего позицию немецкого мыслителя по разрешению философской проблемы языка в целом. И всего лишь годом позднее выходит в свет фундаментальный проект Гадамера *Истина и метод*. Несмотря на то, что влияние Хайдеггера на прежний образ мышления Гадамера было настолько велико, что последнего при написании своей работы не покидало ощущение, будто Хайдеггер «заглядывает ему через плечо» [6, 15], Гадамеру удалось переосмыслить и существенно развить некоторые из идей своего учителя.

Гадамер соглашался с главенствующей онтологической ролью языка, и, подобно тому, как на позднем этапе своего философствования Хайдеггер уделял повышенное внимание поэтической проблематике, Гадамер рассматривал поэзию как особый язык. В результате, Гадамер развил и обогатил концепцию своего учителя о поэзии как «чистом языке» с присущими ему принципиальными отличиями от обыденной речи. Гадамер считал поэтический язык фундаментальным свершением герменевтического опыта, а не просто одним из многих объектов герменевтического исследования. Немецкий философ ввел в научный оборот обозначение поэзии как «языка в изначальном смысле» [5, 106]. Таким образом, Гадамер продемонстрировал некоторую солидарность с Хайдеггером в признании существующего отличия между обыденным языком и поэзией, тем не менее, в своих размышлениях он приходит к собственному пониманию этого отличия. Анализ разногласий в подходах двух мыслителей к этому вопросу был обстоятельно представлен И. Шейблером – профессором философии Бостонского колледжа. Американский исследователь пришел к выводу, что если воззрения Хайдеггера на поэзию предполагали определенные

привилегии, возвышающие его над повседневной речью, то Гадамер исключал в онтологической структуре языка иерархизацию уровней, «дающую привилегию какому-либо выражению в достижении “истины”» [9, 142]. Не разделяя идею, подразумевающую систему привилегий одних языковых уровней по отношению к другим на основе их возможностей раскрытия истины, Гадамер сформировал свой лингвофилософский анализ, основываясь на *материальности* языка. Принято полагать, что *материальность* выражается формой и звучанием языка, необходимыми для функционирования живой речевой практики. Следовательно, *материальность* языка представляет собой некое «место, где могут и должны быть изложены все мысли» [7, 135]. Однако следует заметить, что такое определение не подразумевает, будто мысль в материальном языковом воплощении непременно сводится к ее артикуляции или фиксации на письме. Вернее было бы предположить, что под понятием *материальности* Гадамер подразумевал физическое воплощение смысла текста, регулируемое мыслительными процессами человека как носителя языка. Тем не менее, поэзия, в представлении Гадамера, наиболее полно приближена к идеальному образу языка. Однако при этом возникает вопрос, какие основания философ подводит под обособление поэзии от повседневной речи?

Гадамер проводит существенное различие между поэзией и обыденным языком на том основании, что наша обыденная речь обретает свою осмысленную определенность исключительно в контексте некой жизненной ситуации, тогда как поэтический язык носит внеконтекстуальный и вневременный характер. Такое понимание повседневной речи имеет определенные аналоги с видением социальной роли языка ранним Хайдеггером, полагавшего, что люди разделяют единый для всех социальный мир, в пространство которого они способны войти лишь при содействии языка. Однако в ходе своих размышлений, Гадамер постепенно приходит к следующему заключению: «слово, произнесенное в связи с конкретным действием, не замкнуто на себя; оно вообще “не замкнуто”, а является переходным моментом к содержанию сказанного» [4, 117]. Подобная позиция немецкого философа позволяет отчетливо проследить различие между

повседневными высказываниями и «самодостаточным» поэтическим словом. В качестве показательной иллюстрации такой *самоценности* слова служит обращение к знаменитой аналогии французского поэта П. Валери о существующей разнице между повседневным и поэтическим языками посредством их приравнивания к различию между золотой монетой и денежной купюрой. Так, слова повседневного обыденного языка Валери предлагает воспринимать «подобно банкноте либо чеку, чья ценность или же то, что мы “ценностью” именуем, требует забвения их действительной сущности» [1, 316]. Лишь поэтическое слово, равно как и старинная золотая монета, «само обладает стоимостью, которую символизирует» [4, 118], в отличие от денежной банкноты, являющейся согласованной временной альтернативой чего-то действительно значимого, к чему апеллируют бумажные деньги.

Наряду с применением критерия *самоценности* слова, призванного установить отличие поэтической речи от повседневной, Гадамер использует в своем философском категориальном аппарате понятие *poésie pure* – «чистая поэзия». Данная категория изначально не являлась оригинальным термином в философской системе немецкого мыслителя, так как была заимствована философом у поэта-символиста С. Малларме. Однако впоследствии она была переосмыслена Гадамером и представлена в новом качестве как предельная языковая форма искусства – *лирическое стихотворение*. Согласно мнению немецкого философа, лирическая поэзия наиболее явно воплощает «неотделимость произведения искусства от оригинальности его языкового выражения» [4, 120]. Мы приходим к выводу, что только лирическое стихотворение наделено способностью воплотить в себе гармонию языка и искусства, назначением которого является раскрытие истины.

Особая значимость поэтического слова в современном мире обусловлена широкомасштабной эксплуатацией обыденного языка средствами массовой коммуникации в собственных интересах. Тогда как смысл слов повседневной речи наиболее сильно подвержен контекстуальной трансформации в соответствии с запросами и потребностями заинтересованных сторон,

поэтический язык надежно защищен от подобного вторжения в его смысловую структуру, сохраняя его в *герметичном* состоянии. В частности, немецкий философ утверждал: «Герметичность такой лирики в конце концов совершенно необходима в эпоху средств массовой коммуникации» [4, 121]. В силу замкнутости на саму себя, лирическая поэзия сохраняет присущую только ей *герметичность* (т.е. непрозрачность, составляющую существенное отличие поэзии от обыденной речи). Герметичность поэтического текста способствует сохранению целостности и его смыслового единства, обеспечивает неизменность изначально установленного смысла поэтического слова в общем языковом потоке. В то же время, переход к этапу описанного выше предельного состояния языка диктует необходимость наличия у поэтического текста оригинального звучания и формы. При несоблюдении этого требования поэтическое слово лишается своей гармонии и созвучности с реальной жизнью, в результате со временем попадая в разряд не востребуемых и ложных единиц языка: слова обыденного языка постепенно теряют свою актуальность, назначение, смысл, ветшают как старая одежда и, в конечном итоге, предаются забвению.

Таким образом, в тексте лирического произведения поэтическое слово наделено особой возможностью пребывания во временном настоящем, его ценность никогда не будет сопоставима с назначением «денежной банкноты», которая «только значит нечто, но внутри себя она – ничто» [3, 136]. При этом, слово повседневной обыденной речи является лишь указателем на одном из путей к раскрытию смысла, тогда как в поэтическом тексте смысл заложен изначально и не подлежит контекстуальной трансформации. Следовательно, идеальный образ поэтического слова, заключенного в лирической поэзии, остается неизменным вне зависимости внешних условий, благодаря присущей ему *герметичности*. Гадамеру удалось преобразовать учение Хайдеггера о «чистом языке» в качественно новую философско-герменевтическую концепцию «чистой поэзии».

Список литературы

1. Валери П. Вопросы поэзии // Валери П. Об искусстве / П. Валери. М.: Искусство, 1993. С. 299-313.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: Пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова / Х.-Г. Гадамер. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
3. Гадамер Х.-Г. Философия и литература // Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного / Пер. с нем / Х.-Г. Гадамер. М.: Искусство, 1991. С. 126-146.
4. Гадамер Х.-Г. Философия и поэзия // Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного / Пер. с нем / Х.-Г. Гадамер. М.: Искусство, 1991. С. 116-125.
5. Gadamer H.-G. On the Contribution of Poetry to the Search for Truth // The Relevance of the Beautiful and Other Essays / H.-G. Gadamer. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 105-115.
6. Gadamer H.-G. Reflections on My Philosophical Journey // The Philosophy of Hans-Georg Gadamer / Ed. by L. Hahn / H.-G. Gadamer. Chicago and LaSalle: Open Court, 1997. 768 p.
7. Grondin J., Plant K. The Philosophy of Gadamer / J. Grondin, K. Plant. London: Routledge, 2014. 192 p.
8. Heidegger M. 16 Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges // Gesamtausgabe / Hrsg. H. Heidegger / M. Heidegger. Frankfurt: Klostermann, 2000. 842 p.
9. Scheibler I. Gadamer: between Heidegger and Habermas. Rowman & Littlefield, 2000 / I. Scheibler. 208 p.
10. The Cambridge Companion to Gadamer / Ed. by R.J. Dostal. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 317 p.